

AZƏRBAYCAN MİLLİ ELMLƏR AKADEMİYASI
NİZAMİ GƏNCƏVİ ADINA
MİLLİ AZƏRBAYCAN ƏDƏBİYYATI MUZEYİ

ISSN 2522-4808 (Print)
ISSN 2702-0034 (Online)

RİSALƏ

Elmi araşdırmalar jurnalı

2(17)

Bakı – “Elm və təhsil” – 2019

Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası
Nizami Gəncəvi adına Milli Azərbaycan Ədəbiyyatı Muzeyi
Elmi Şurasının 27 sentyabr 2019-cu il tarixli (protokol № 8)
qərarı ilə çap olunur

Baş redaktor:
Rafael Hüseynov,
akademik

Redaksiya heyəti:

Kamil Allahyarov, filologiya üzrə elmlər doktoru, professor, Nizami muzeyi, Azərbaycan
Xatirə Bəşirli, filologiya üzrə elmlər doktoru, professor, Nizami muzeyi, Azərbaycan
Şəfəq Əlibəyli, filologiya üzrə elmlər doktoru, professor, Nizami muzeyi, Azərbaycan
Aida Qasımova, filologiya üzrə elmlər doktoru, professor, Nizami muzeyi, Azərbaycan
Tofiq Məlikli, filologiya üzrə elmlər doktoru, professor, Nizami muzeyi, Azərbaycan
Rəhilə Qeybullayeva, filologiya üzrə elmlər doktoru, professor, Bakı Slavyan Universiteti, Azərbaycan
Mehdi Kazimov, filologiya üzrə elmlər doktoru, professor, Bakı Dövlət Universiteti, Azərbaycan
Paşa Kərimov, filologiya üzrə elmlər doktoru, dosent, AMEA Əlyazmalar İnstitutu, Azərbaycan
Ali Yavuz Akpınar, professor, doktor, Boğaziçi Universiteti, Türkiyə
Hasan Cavadi, professor, doktor, Kaliforniya Universiteti, ABŞ
Firuzə Melvil, doktor, Kembric Universiteti, Böyük Britaniya
Özgen Felek, professor, doktor, Yel Universiteti, ABŞ
Campiyero Bellinceri, doktor, Venesiya Ka Foskari Universiteti, İtaliya
Mbaye Lo, professor, doktor, Dyuk Universiteti, ABŞ
Hendrik Boeşoten, professor, doktor, Maynz Universiteti, Almaniya
Nataliya Çalisova, filologiya üzrə elmlər doktoru, professor,
Rusiya Dövlət Humanitar Universiteti, Rusiya Federasiyası
Şodimaxammad Sufiyev, filologiya üzrə elmlər doktoru, professor,
Tacikistan Respublikası Elmlər Akademiyası, Tacikistan
Zemfira Səfərova, akademik, AMEA Memarlıq və İncəsənət İnstitutu, Azərbaycan
Cəfər Qiyasi, AMEA-nın müxbir üzvü, Azərbaycan
Məryəm Əlizadə, sənətsünaslıq doktoru, professor, Azərbaycan Dövlət Mədəniyyət və
İncəsənət Universiteti, Azərbaycan
Marko Realini, professor, doktor, İtaliya Milli Tədqiqat Şurası, İtaliya

Risalə. Elmi araşdırmalar jurnalı. № 2 (17)

Bakı, “Elm və təhsil” nəşriyyatı, 2019, 256 s.

Orta əsrlərdə müsəlman Şərqiində yaradılan elmi əsərlər “risalə” adlanırdı. Nizami Gəncəvi adına Milli Azərbaycan Ədəbiyyatı Muzeyinin klassik ənənəyə riayətlə “Risalə” adlandırılmış, ədəbiyyat-şünaslıq və mədəniyyətşünaslıq problemlərinin elmi araşdırmalarından ibarət məqalələr toplusu ildə iki dəfə (yaz və payız) nəşr edilir. Bu elmi araşdırmalar jurnalı məzmunu etibarilə filologiya (Azərbaycan və dünya ədəbiyyatı, ədəbiyyat nəzəriyyəsi, ədəbi təhlil və tənqid, folklorşünaslıq, mətnşünaslıq) və sənətsünaslıq (muzeyşünaslıq) sahələri üzrə məqalələri əhatə edir.

"Risalə" elmi araşdırmalar jurnalı filologiya və sənətsünaslıq elm sahələri üzrə Ali Attestasiya Komissiyasının tövsiyə etdiyi dövrü elmi nəşrlər siyahısındadır. 2019-cu ildə Azərbaycan Respublikası Ədliyyə Nazirliyinin "Mətbu nəşrlərin reyestri"nə daxil edilmişdir (Reyestr № 4216). Eyni zamanda, "Risalə" elmi araşdırmalar jurnalı 05 aprel 2018-ci ildən EBSCO beynəlxalq elektron məlumat bazasına daxil edilmişdir (Müqavilə № 46516).

KLASSİK İRS: TARİXİ VƏ NƏZƏRİ PROBLEMLƏRİ

Rafael Hüseyinov. Nəsimi poeziyasında cavablı və cavabsız suallar	9
Əkrəm Bağirov. Mir Möhsün Nəvvabın “Təzkireyi-Nəvvab” əsəri haqqında bəzi qeydlər	24
İlhamə Gültekin. Seyyid Əşrəfəddin Gilaninin təmsilləri və satirik şeirləri ..	32
Zəhra Əhmədi. Introduction of the handwriting manuscript of the Ghodsi poems, held in Tabriz Central Library	47
Gülнар Əqiq. Fətəli şah Qacarın “Məcnuna tənə” məsnəvisi Nizami Gəncəvinin “Leyli və Məcnun” poemasının ənənələri kontekstində	71
Heybət Heybətov. Poeziya nümunələrinin orta əsr elmi mühakimələrində istifadəsi – şəvahid anlayışı	81
Ruziyə Quliyeva. Əssar Təbrizinin “Mehr və Müştəri” məsnəvisində humanist ideyalar, estetik və elmi fəlsəfi görüşlər	96
Kəmalə Nuriyeva. Abbasqulu ağa Bakıxanovun “Riyazu-l-quds” əsəri klassik məqtəl ənənəsinin davamı kimi.....	106
Rəhilə Sadıqova. Bədii ədəbiyyatın tibbi vəzifəsi: “Əlfiyyə və Şəlfiiyyə”	117

YENİ VƏ MÜASİR DÖVRDƏ ƏDƏBİ-MƏDƏNİ PROSES

Kəmalə Cəfərova. Müasir Azərbaycan ədəbiyyatında repressiya ictimai-siyasi prosesin ən böyük hadisəsi kimi	127
Fatima Dursunova. Мифопоэтические истоки образа вождя в тюркской советской литературе	136
Gülgün Əliyeva. Müasir poeziyada Seyid İmadəddin Nəsimi obrazı	150
Mahirə Hacıyeva. Bədii düşüncənin təqdimat formaları	159
Güllü Xəlilova. XIX əsr Azərbaycan şeirində hərbi mövzusu	165
İradə Musayeva. Postmodernizmin digər ədəbi-estetik “izm”lərdən fərqi... ..	176
Natavan Mustafayeva. Ənvər Məmmədخانlının “Babək” əsərində tarixi gerçəklik və yazıçı təxəyyülü	185
Günəl Səfərova. Yəğma Cəndəqi poeziyasının tədqiqi və təhlili istiqamətlərində Cəfər Rəmzi İsmayılzadənin rolu	199
Aytac Zeynalova. Azərbaycan lirik şeirinin inkişaf yolları (XIX əsr Abşeron ədəbi mühiti əsasında).....	208

UOT 821.51

Фатима ДУРСУНОВА

Доктор философии по филологии
Бакинский государственный университет
fatimad@bk.ru

МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ОБРАЗА ВОЖДЯ В ТЮРКСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ключевые слова: тюркская литература, образ вождя, Ленин, Сталин, литературные архетипы

Keywords: turkic literature, the image of the leader, Lenin, Stalin, literary archetype

Açar sözlər: türk xalqları ədəbiyyatı, lider, Lenin, Stalin, ədəbi arxetiplər

Введение. Ритуальными образами народных вождей в советской литературе становятся образы Ленина и Сталина, которые со временем сливаются в нечто единое, олицетворяя саму революцию и новое социалистическое государство. «Сталин – верный ученик и достойный продолжатель дела Ленина», эти слова постоянно звучат во всех публикациях того времени, а образ Сталина уподобляется уже созданному сакральному образу Ленина.

В формировании образа Ленина в советской литературе ключевую роль сыграли Владимир Маяковский и Максим Горький, названные многими литературоведами основоположниками соцреализма. Поэма «Владимир Ильич Ленин» В.Маяковского и очерк М.Горького «В.И.Ленин» заложили фундамент для строительства и канонизации облика народного вождя. Оба произведения были написаны на смерть вождя и стали не столько выражением глубокой скорби, вызванной его гибелью, а сколько изъявлением мысли о том, что «Ленин и теперь живет всех живых», став «нашей силой и оружием».

Я
себя
под Лениным чищу,
чтобы плыть
в революцию дальше [3, с.469].

Эти слова из поэмы В.Маяковского становятся основой для апофеоза личности Ленина, создания божества коммунистической религии. «На долгую жизнь товарища Ленина надо писать и описывать заново!» [3, 476], громко заявляет В.Маяковский, обращаясь к братьям по перу. Воздвигнув первый стихотворный памятник вождю, он призывает создавать их тысячами, чтобы «ленинизм шёл всё далее и более».

В очерке «В.И.Ленин», который можно назвать своеобразным художественным некрологом, М.Горький пытается нарисовать портрет Ленина, с самого начала признавшись в трудности этой задачи. «Лично для меня Ленин не только изумительно совершенное воплощение воли, устремлённой к цели, которую до него никто из людей не решался практически поставить перед собою, – он для меня один из тех праведников, один из тех чудовищных, полусказочных и неожиданных в русской истории людей воли и таланта» [14], говорит М.Горький, создав благоприятную почву для формирования «полусказочного», мифического образа вождя.

«Честный русский интеллигент-революционер, искренне верующий в возможность на земле справедливости», «герой лишённый внешнего блеска», «радостная любовь к своему народу», «человек изумительно сильной воли», «некий магнетизм, который притягивал к нему сердца и симпатии людей труда», «каждую свободную минуту он отдавал другим, не оставляя себе на отдых ничего», «прост, как правда», «воинствующий оптимист», «железный человек страны», «Человек с большой буквы» [14] – штрихи к портрету В.И.Ленина, нарисованные М.Горьким, становятся фундаментом для новых портретов вождя.

Эти ленинские качества сверхчеловека затем обретают второе дыхание в официальном образе Сталина или выражаясь словами лезгинского поэта-ашуга Сулеймана Стальского:

Ленин, товарищи, не умер
Да здравствует Сталин долго-долго
Да здравствует в сердце его Ленин [14].

Влияние фольклорных традиций на формирование образа вождя в тюркской советской литературе. Формирование образа вождя в тюркской советской литературе тесно связано с фольклорными и философско-религиозными традициями тюркских народов. И здесь очень важно затронуть творчество певцов-сказителей тюркских народов «озанов».

Творчество озанов было тесно связано со всеми сферами жизни древне-тюркских племён, будь то политическая, духовная или социальная. Озаны имели огромное влияние среди народа, направляли соплеменников к защите интересов рода, воспитывали чувство сопричастности к судьбе соплеменников, воспевая героев, формировали в них потребность совершать героические поступки на благо своего народа. Зачинатели огузского героического эпоса озаны, аккомпанируя себе на музыкальном инструменте гопуз, исполняли сказания о родословной огузских тюрков, о деяниях предводителей огузских племён, начиная с мифического прародителя Огуза кагана.

Творчество озанов непосредственно связано с формированием дастанного жанра в тюркской литературе. События, происходящие в жизни тюркских наро-

дов, формирование эстетических взглядов, политические и социальные изменения в жизни племён, нередко находили своё отражение в тюркских дастанах, но зачастую доходили до последующих поколений в идеализированной, возвышенной форме.

В определённые исторические моменты озаны могли брать на себя функции защитника и предводителя племени. Озаны, пользуясь своим красноречием, поднимали боевой дух воинов, вселяли уверенность, желание бороться и победить даже ценою жизни. Иными словами, озаны были не только поэтами-импровизаторами, искусно владеющими словом, но и в нужный момент становились народными вождями.

«Развитие родо-племенных отношений обусловило возрождение озанского творчества. Вершина же этого возрождения нашла отражение в эпосе «Деде Коркут» [7, с.19].

Наиболее ярким героем в дастане «Деде Коркут» является Салор Казан. Этот образ присутствует во всех сказаниях эпоса, кроме 5 и 8. Одной из характерных черт этого героя является гуманность. Салор Казан не убивает врагов, если те просят у него пощады и эта черта особо впечатляет на фоне зверств, учиняемых врагами по отношению к его семье. Наряду с этим Салор Казану присущ боевой патриотический дух, он с особым героизмом защищает свои земли от посягательства врагов.

Но особый интерес в этом эпосе вызывает образ старца Коркута. По мнению известных учёных литературоведов Халыка Короглы и Азада Набиева именно в этом дастане происходит «деформация функции озана в историческом развитии» [7, с.15]. Деде Коркут наделяется новыми, значимыми функциями. «Он – божество, ниспосылающее людям удачу» [7, с.16].

Обожествленный человек, способный предвидеть будущее и взять на себя функции защитника и предводителя племени, проявляющий милосердие даже к врагу и готовый пожертвовать собой и своими интересами ради интересов своего народа – вот основные черты народных вождей в песнях озанов.

В более поздний период происходит трансформация озанского искусства в ашугское и народные дастаны обогащаются новыми образами и характерами. В начале XVII века происходит возрождение героических эпосов, самым знаменитым среди которых становится эпос «Кёроглы». Существует предположение, что Кёроглы – реальный исторический персонаж, предводитель народных волнений, охвативших в XVII веке Азербайджан и восточные провинции Османской империи. Непомерные налоги, насилие и грабеж вынуждали крестьян убегать в горы, объединяться и вступать в ожесточённую борьбу против своих обидчиков. О самых доблестных из них народ слагал песни, которые затем превращались в поэтические сказания.

Кёроглы – не только смелый воин, вставший на борьбу за свободу своего народа, но и искусный поэт-импровизатор, поэтому его образ более притягателен для народа. Можно смело утверждать, что архетипический образ вождя в ашуг-

ском творчестве – это человек, ставший на путь вооружённой борьбы против бесправия, но наряду с этим обладающий особым красноречием.

Образы вождей в классической тюркской литературе. Что касается классической письменной литературы, самым ярким примером идеального правителя в тюркской литературе является образ Кюнтогды (в переводе звучит как “солнце взошло”), главного героя поэмы «Кутадгу-Билик» («Знания, дарующие счастье») выдающегося тюркского поэта, философа и мыслителя XI века Юсуфа Баласагуни.

Кюнтогды – справедливый правитель, обладающий мудростью и знаниями, позволяющими ему создать идеальное социальное устройство. Он не делит людей на богатых и бедных и относится ко всем одинаково.

«Кутадгу-Билик» считается также первым образцом жанра «Siyasetname», или «Книга о правлении» в тюркской литературе. «Книга о правлении», – жанр арабской, персидской, индийской и тюркской литератур, предоставляющий информацию о должном управлении государства сановниками. Произведения, адресованные в основном правителям, служили неким сводом правил, которых должен был придерживаться хороший правитель. Описывалось то, каким должно быть государственное управление, пояснялись следствия плохого управления государством.

«Книги о правлении», отражающие политическую и общественную жизнь страны, опирались в основном на религиозные источники. Иллюстрируя высказанные мысли аятами из «Корана», хадисами и реальными историческими событиями, авторы хотели ярко продемонстрировать катастрофические последствия, к которым могут привести действия жестокого и невежественного правителя.

Баласагуни называет 4 основные качества, которыми должен обладать идеальный правитель – праведность, добро, ум и сдержанность.

Четыре отличья – сей книги основа.
Одно из них – правда стези справедливой,
Другое – добро, благо доли счастливой,
Отличие третье – премудрость и ум,
Четвёртое – праведность, сдержанность дум [1, с.11].

Автор считает, что если во главе государства будут стоять люди, обладающие этими качествами, то в стране наступит всеобщее счастье и благоденствие.

При мудром владыке страна расцвела,
Все жили в довольстве, не ведая зла.

И стал весь народ столь богатым при нём,

Что волк и овца пили воду вдвоём [1, с.61].

Истинным счастьем для любого правителя Юсуф Баласагуни считает доброе имя, которое он оставит после своей смерти.

Сколь благостно доброе имя: оно
Как вечное счастье навеки дано!
И счастлив достойный властитель, пойми,
Когда человечно он правит людьми [1, с. 61].

В данном контексте важно отметить образ идеального правителя в творчестве великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви. В своих поэмах Низами стремился показать, что необходимыми качествами правителя должны быть справедливость и гуманность. Правитель обязан любить свой народ и опираться на него, управляя государственными делами. Правитель, не опирающийся на народ, не использующий в своей деятельности его жизненного опыта, не может быть справедливым и обрекает себя на неудачу.

Образом идеального правителя в творчестве Низами является Искендер, который изображается им как философ-мудрец, получивший сан пророка. Искендер ищет идеальную форму устройства человеческого общества и отправляется в четвёртое путешествие на север, на поиски благодатного города. После долгих скитаний он находит город, где цветут прекрасные сады, но нет оград, пасутся тысячу овец, но нет пастухов, высятся величавые замки, но на них нет замков. В этой стране солнца и всеобщего счастья Искендер находит идеальное социальное устройство.

Достойным правителем советского общества, новым солнцем (Кюнтогды), тюркского мира, Искендером, нашедшим идеальную форму мироустройства, становится великий вождь Владимир Ильич Ленин, «доброе имя» которого дарует ему «вечное счастье».

Вождь революции в творчестве народных поэтов-сказителей. При создании образов советских вождей, тюркские писатели стали примерять созданные некогда озанами, ашугами, поэтами-суфиями типические характеры на вождей революции.

После установления советской власти народные певцы-импровизаторы (ашуги, акыны, бахши) слагают песни о новых вождях и в этом контексте примечательно творчество азербайджанских ашугов.

Известная азербайджанская пословица гласит: «Aşıq el atasıdır» («Ашуг – отец народа») [9, с.95]. Ашугское творчество – самый популярный, самый действенный вид устного народного творчества, характерной особенностью которого является бичевание поступков родовой знати. Именно по этой причине ашугское слово стало незаменимым оружием в пропагандисткой деятельности советской власти, важным средством политико-воспитательной работы, в особенности на

селе. Если учесть поголовную неграмотность крестьян, то роль и значение творчества ашугов в этой миссии усиливается.

Если до установления советской власти ашуги, путешествуя из одного села в другое, участвовали в различных увеселительных мероприятиях и их единственной задачей было забавлять народ, то теперь они привлекаются к общественной жизни страны. Их приглашают на собрания колхозников, на различные агитационные мероприятия в клубах. Ашуги, адаптируясь под новые реалии, в своём творчестве воспевают советскую власть, Октябрьскую революцию, партию и Ленина.

Одной из важнейших задач ашугской поэзии становится формирование художественного образа вождя революции. Героический уход из жизни делает Ленина эпическим героем ашугской поэзии. Мотив бессмертия оказывается главной составляющей этой поэзии.

Однако, многие исследователи ашугского творчества, такие, как Гара Намазов, Керим Гасанов, утверждают, что образ Ленина появился в ашугской поэзии еще до установления советской власти в Азербайджане. Гошма (форма азербайджанского силлабического стихосложения, применяемая главным образом в ашугской поэзии), написанное Ашугом Мамедом Кахраманом из села Гырахкясаян ещё в 1918 году, принято считать первым образцом ашугского творчества о великом вожде революции.

Оплот надежд и чаяний моих,
Советов справедливой строй идёт ли?
По свету потрясение прошло,
Столетия нашего герой идёт ли?

Великий Ленин – всей земли глава,
Его слова – бесценные слова.
Глашатаем большого торжества
Наш Нариман в свой край родной идёт ли?

Рабочих и крестьян поддержит он,
Буржуям-толстосумам скажет: «Вон!»
Установить по совести закон
Судья суровый и прямой идёт ли? [8, с.275].

Примечательным в этом произведении является тот факт, что в последней строфе автор не указывает своего имени или псевдонима, что является обязательным требованием для стихотворной формы гошма. Этот приём именуется «мохур-бенд» («печать-строфа»). Исследователи творчества Ашуга Мамеда Кахрамана предполагают, что автор осознанно не указывает своего имени, опасаясь преследования за пропаганду большевистских идей.

Наряду с именем Ленина здесь называется имя его ученика и соратника – Н.Нариманова. В данном контексте важно отметить, что до зарождения культа личности Сталина, Ленин был единственным образом вождя в русской литературе, когда как в азербайджанской литературе с самого начала закладывается традиция наряду с образом Ленина воспевать образ верного ученика и достойного продолжателя его идей Н.Нариманова.

В то время, когда Ашуг Мамед Кахраман обращался к своим слушателям с вопросом «Наш Нариман в свой край родной идёт ли?», сам Нариман Нариманов заведовал в Москве отделом Ближнего Востока Наркоминдела РСФСР. Лишь спустя 2 года Н.Нариманов провозгласит советскую власть в Азербайджане, возглавив Азревком.

Редиф «gəlirmi?» (идёт ли?), использованный Ашугом Мамедом в этом произведении, завоёвывает популярность среди поэтов и становится темой диалога ашугов. Вслед за ашугом Мамедом поэт Исмаил, известный под псевдонимом Кятиб, пишет гошма, используя этот редиф и адресует его другу Мирзе Самеду.

Имеешь ли известья, брат Мирза,
Советов справедливый строй идёт ли?
Услышал ли, как станет весь Восток,
К нам избавленье, мне открой, идёт ли? [8, с.276].

Поэтический ответ, с использованием редифа «идёт ли?», пишет также Ашуг Мирза Хайят, начав свои стихи следующими строками:

Узнать желаю, собеседник-друг,
Советов справедливый строй идёт ли? [8, с. 276].

Отсидев в тюрьме за большевистскую пропаганду и получив свободу с приходом советской власти, Ашуг Мамед Кахраман пишет поэтический ответ на свои же стихи, только теперь использует редиф «gəlibdi» («пришёл»).

Послушайте-ка, что я вам спою:
Советов справедливый строй пришёл!
Тот, кто нам правду Ленина принёс,
Кто крепко дружит с беднотой, пришёл!

Не Ленин разве всей земли глава?
Он золотые говорит слова.

Из края в край идёт о нём молва,
Твой Нариман, Восток седой, пришёл! [8, с.277].

Этот редиф также не остаётся без внимания ашугов. Теперь, когда сама советская власть приветствует написание таких стихов, уже целый хор поэтов пишет поэтический ответ на гошма Ашуга Мамеда с использованием редифа «пришёл», среди которых Ашуг Новрас Иман, Ашуг Чобан Афган.

После установления советской власти в Средней Азии и Казахстане на народных поэтов-импровизаторов возлагаются новые функции: «разъяснять народу ближайшие задачи советской власти в Средней Азии и Казахстане, как например борьба с басмачеством, земельно-водная реформа, раскрепощение женщин, культурная революция, призывать к защите советской власти от врагов и т.п.» [6, с. 442]. Наряду с этим, наиболее актуальной задачей поэтов становится формирование образа Ленина.

Известный киргизский акын Токтогул Сатылганов в «Песне о Ленине» славит великого вождя, разъясняя народу, что дала простому народу советская власть:

Не надо теперь беднякам
Петлю на себя налагать –
Свобода, пришедшая к нам,
Свой светильник будет держать.
Какая счастливица ты –
Родившая Ленина мать [6, с.443].

Видный казахский акын Джамбул Джабаев одним из первых пишет пламенные стихи о великом вожде:

Ленин его в Октябре окрылил,
Ленин народу свой меч подарил;
Гневный поднялся народ из могил
В битву за волю, за счастье, за мир [5, с.68].

Стихотворение «Бедняки» известного туркменского народного шaira (поэт-импровизатор) Дурды Кылыча «относится к числу первых произведений туркменской советской литературы, где выражается всенародная любовь к Ленину» [4, с. 248].

Среди воспевателей образа Ленина ярко выделяется фигура известного туркменского поэта 20-х годов Молла Мурта. В стихах «Ленин», «Туркменистану дорог ты» он пишет о Ленине, как о великом освободителе простого туркменского народа от деспотизма местных богачей.

1920-х годах образ Ленина в тюркской литературе находит воплощение больше в фольклорных образцах, среди которых, наряду с песнями поэтов-импровизаторов, особое место занимают сказки.

В узбекской сказке «Ленин и Кучук-адам (человек-собака)» Ленин сочетает в себе все качества богатырей восточных сказок: мужество, бесстрашие, честность. Для борьбы с несправедливостью ему нужен волшебный кизыл-таш (красный камень), на поиски которого он отправляется в дальнюю дорогу. На этом пути Ленину необходимо одолеть Кучук-адама и другие злые силы. В этой борьбе ему помогают силы природы, а также волшебный герой многих сказок Ак-чуальчак (белый червь), который выходит из земли лишь в сто лет раз, чтобы спасти героя.

Если в сказке «Ленин и Кучук-адам» мы видим образ богатыря, обладающего неординарными физическими способностями, с помощью которых ему удаётся победить злые силы, то в азербайджанской сказке «Билиджи-баба» (старик-мудрец) Ленин выступает в образе мудрого старца, который даёт мудрые советы 7 богатырям, решившим освободиться от многовекового плена. Билиджи-баба дарит братьям книгу, меч и ружье, дав следующее напутствие: прочитать книгу, а оружие оставить под раскалённым солнцем на горе Каф (легендарная гора в исламской мифологии). Книга наделяет богатырей мудростью, а раскалённое под солнцем оружие силой для борьбы против угнетателей. Примечательно, что Ленина в сказке повсюду сопровождает солнце, именно с помощью солнца ему удаётся оказаться в любой точке земли. И здесь можно говорить о влиянии персидской мифологии, в которой Бог Солнца Митра являл собой свет и был защитником истины. Митра мчался по небу на своей колеснице, даруя почитающим его людям победу над врагами.

Образ вождя в крупных жанровых формах. Начиная с 1930-х годов в тюркской литературе появляются крупные поэмы, где образ Ленина уже далёк от образов героев-богатырей фольклорных сюжетов. Тюркские поэты «строятся в ряды» [4, с.180] слагать песни о Ленине, «чтоб тяжелее многих тысяч тонн» [4, с.180], а «командармом» избирают «Владимира Маяковского» [4, с.180]. Благодаря словам Маяковского «Ленин и теперь живее всех живых», мотив бессмертия великого вождя становится главным направлением тюркской Ленианы этого периода.

Справиться с этой задачей тюркским поэтам не составляет особого труда. Согласно многим мифам и преданиям Древнего Востока, человек достигает бессмертия лишь за счёт своих деяний. В «Эпосе о Гильгамеше», отправившись на поиски воды вечной жизни, Гильгамеш осознаёт, что бессмертие недостижимо, тогда он строит стены вокруг своего города, лелея надежду на то, что эти стены увековечат память о нём и потомки будут помнить о его деяниях. В эпосе «Урал-батыр», найдя воду вечной жизни, Урал-батыр опрыскивает ею природу, тем самым наделив ее бессмертием. Урал-батыр жертвует собственным бессмертием ради бессмертия природы, но благодаря своим деяниям навечно остаётся в памяти потомков.

В поэме казахского поэта Ильяса Джансугурова «Степь», написанной к десятилетию установления советской власти в Казахстане, отдельная глава посвящается вождю революции Ленину, как вечно живому герою народа:

Өмірде өлмес адам бар,
(В мире есть вечно живой человек)
Ол кім! Ленин, ол басшы.
(Кто он? Ленин, наш вождь) [12].

Тему бессмертия продолжает азербайджанский советский поэт Расул Рза в своей крупной поэме «Ленин». “Milyon qəlbın hər birində bir ölməyə Lenin var!” (“Ленин будет жить в миллионах сердцах) [11, с.186], говорит Расул Рза, указывая на то, что Ленин будет жить вечно в сердцах многих поколений.

В поэме «Читая Ленина» известный азербайджанский поэт С.Вургун затрагивает труды В.И.Ленина, создав образ великого теоретика революции. Воспевая работу Ленина «Государство и революция», написанную в период подготовки социалистической революции, автор восклицает:

Любая скобка в тексте – как блокада.
Любая точка – пуля по врагу.
Любое восклицанье – баррикада.
И я налюбоваться не могу! [4, с.176].

Ленин-Сталин: тандем вождей мирового пролетариата в тюркской советской литературе. В период культа личности к портрету Ленина примыкает ещё и портрет Сталина. Примечателен образ Сталина, созданный казахским певцом-жырау (жырау – народный поэт и певец в казахской и киргизской поэзии) Турмагамбетом Изтлеуовым. В номере газеты «Казахстанская правда» за 21 декабря 1939 года, посвящённом 60-летию Иосифа Сталина, было опубликовано стихотворение поэта «Орёл могучий», где автор уподобляет Сталина могучему орлу. Образ орла занимает важное место в искусстве тюркских народов. Орёл для тюркских племён олицетворял собой свободу, независимость, стремление к новым высотам.

Вслед за Т.Изтлеуовым другой казахский поэт Таир Жароков пишет стихотворение «Рождение орла», где также сравнивает Сталина с этой могучей птицей. Киргизский акын Тимеркул Уметалиев называет Сталина «Чолпан» («Утренняя звезда»). У киргизов и казахов Чолпан – символ благополучия и процветания. Согласно преданиям Чолпан дает буйный рост травам на пастбищах. Эту звезду видно с Востока, поэтому она верный ориентир для заблудших. Теперь Сталин освещает дорогу всем тем, кто хочет выбраться из темноты.

Казахский акын Нурпеис Байганин в песне «Отец народа», создаёт духовно-политический тандем Ленин–Сталин – спасители народа. Тандем Ленин–Сталин находит художественное воплощение и в творчестве акына Джамбула Джабаева:

Что Ленин, как солнце, планету живит,
Что в Сталине ленинский гений горит [5, с.83].

Среди тюркских поэтов именно Джамбул Джабаев важную часть своего творчества посвящает образу Сталина, главной идеей которых является преемственность дела Ленина или если сказать словами самого Джамбула "в Сталине Ленин бессмертный живёт". Знаменитая сталинская клятва над гробом Ленина 26 января 1924 года нашла отражение в произведении Джамбула "Песня о выполненной клятве".

После развенчания культа личности Сталина, в тюркской литературе, равно как и в русской литературе, тандем Ленин–Сталин распадается и остаётся лишь образ Ленина.

«В 1960-е годы жизнь товарища Ленина тюркские поэты и писатели «пишут и описывают заново» [3, с.470]. Появляются новые произведения о великом вожде, где на фоне крупных достижений советской власти, вновь упоминаются заветы Ильича. Теперь уже новое поколение поэтов пишет с благодарностью о Ленине за своё счастливое настоящее и будущее.

Азербайджанский поэт Бахтияр Вагабзаде в поэме «Разговор с Лениным» рисует образ мудрого правителя, нашедшего силу именно в народе, что перекликается с философскими взглядами Низами.

Тот, кто живёт с народом – сам народ.
Кто черпает в нём силу – сильным вскоре
Становится.
Ведь волн круговорот
Речь обретает, выбежав из моря [2, с.197].

Узбекская поэтесса Зульфия Исраилова пишет стихотворение «Свет», где уподобляет Ленина свету, который живёт в её глазах. Казахский поэт Хамид Ергалиев в стихотворении «Свет в горах» восхищается преобразованиями, происходящими в его стране, «где этажи уходят в небо» [3, с.414], благодаря свету Ильича. Туркменский поэт Кара Сейтлиев в произведении «Ленин», пишет оду советской власти, с приходом которой «раскрывались тюльпаны среди песков» [3, с.430].

Заключение. Так за семь десятилетий в тюркской советской литературе создаётся поразительная по масштабам и многообразию совокупность образов великого вождя. Если в 1920-х годах в написании портрета Ленина авторам

помогают традиции дастанного эпоса, а также классической восточной литературы, где больше легендарных черт, нежели реальных, то в более поздний период образ Ленина обрастает новыми чертами, некогда созданными русскими советскими писателями. В тюркской советской литературе накапливается новый опыт по восприятию вождей и формированию их образа, однако, накопленный годами опыт прошлого всё еще проявляется в творчестве писателей и поэтов. Определяя динамику художественного образа вождя народа, стоит отметить, что обожествленный человек, способный предвидеть будущее, наделенный качествами героев тюркских дастанов, и литературных образов, созданных великими тюркскими поэтами, находит новое воплощение в советской тюркской литературе, тем не менее, на наш взгляд, он и в более поздний период сохраняет сусальность, свойственную традициям тюркского фольклора и классической восточной литературы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

На азербайджанском языке:

1. Atalar sözü. Bakı: Yazıçı, 1985, 690 s.
2. Həsənov K. Lenin Azərbaycan folklorunda. Bakı: ADU mətbəəsi, 1986, 98 s.
3. Rza R. Seçilmiş əsərləri. Bakı: Öndər, 2005, 335 s.

На русском языке:

4. Баласагунский Ю. Благодатное знание. Москва: Наука, 1983, 560 с.
5. Вагабзаде Б. Избранное. Баку: Азербайджанское государственное издательство, 1977, 291 с.
6. Вечно живой. Образ В.И.Ленина в художественной литературе. Ленинград: Лениздат, 1970, 479 с.
7. Вургун С. Стихотворения и поэмы. Баку: Язычы, 1986, 288 с.
8. Джамбул. Избранные песни. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1948, 110 с.
9. История литератур народов Средней Азии и Казахстана, Москва: Изд-во Московского унив., 1960, 490 с.
10. Кёроглы Х.Г., Набиев А.М. Азербайджанский героический эпос. Баку: Язычы, 1996, 308 с.
11. «Я – ашуг, люблю тебя!» Стихи азербайджанских ашугов в переводе В.Кафарова. Баку: Язычы, 1984, 327 с.

Электронные ресурсы:

12. Лияс Жансүгіров. Ленин tipi. <http://bilim-all.kz/olen/5910-Lenin-tiri>
13. М.Горький. В.И.Ленин. <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/vospominaniya/v-i-lenin.htm>
14. С.Стальский. Стихи. <http://www.gr-oborona.ru/texts/1363181067.html>

Fatima Dursunova

Türk sovet ədəbiyyatında xalq rəhbəri obrazının mifopoetik mənbələri

Xülasə

Məqalədə türk sovet ədəbiyyatında milli liderlərin ritual təsvirləri müzakirə edilmişdir. Qeyd edək ki, türk sovet ədəbiyyatı liderinin imicinin formalaşması türk xalqlarının fəlsəfi və fəlsəfi-dini ənənələri ilə sıx əlaqəlidir. 1920-ci illərdə dastan eposunun ənənələri, eləcə də realistlərdən daha çox əfsanəvi xüsusiyyətləri olan klassik Şərq ədəbiyyatı yazıçılara Lenin portretini yazmağa kömək edir. Gələcəyi öncədən görmə qabiliyyəti olan, insanlıq və qəhrəmanlıq, qəbilənin lideri və himayəçisi rolunu öhdəsinə götürə bilən bir şəxs – bunlar xalq liderlərinin sovet liderlərinin təsvirlərinə çevrildiyi folklor nümunələrində sahib olunan əsas xüsusiyyətlərdir. Sovet liderlərinin görünüşlərinin məşhurlaşmasında şairlər və improvizatorlar (aşuqlar, akınlar, baxşılar və s.) mühüm rol oynadılar. Nizami Gəncəvinin və Yusif Balasaqunlu kimi böyük türk şairlərinin yaradıcılığında mükəmməl hökmdarların obrazları, xüsusilə "İsgəndərnəmə" və "Kutadqu-Bilik" əsərləri də sovet liderlərinin təsvirlərinin formalaşmasına mühüm təsir göstərmişdir. Daha sonrakı dövrdə Lenin obrazı bir zamanlar rus sovet yazıçıları tərəfindən yaradılmış yeni xüsusiyyətlərlə – yer üzündə ədalətin mümkünlüyünə səmimi şəkildə inanan parlaq inqilab nəzəriyyəçisinə bənzəyir. Stalinin şəxsiyyətə pərəstiş dövründə rus-sovet ədəbiyyatında olduğu kimi, türk ədəbiyyatında da etibarını itirmiş şəxsiyyətə pərəstişliklə parçalanan Lenin–Stalin mənəvi-siyasi tandemi yaradılmışdır. 1960-cı illərdə Sovet hakimiyyətinin böyük nailiyyətlərinin fonunda Lenin inqilabının nəhəng lideri haqqında yeni əsərlər yazılır və Leninin vəsiyyətləri yenidən xatırlanır.

Fatima Dursunova

**Mythopoetic origins of the images of the leaders in the
Turkish literature of the Soviet era**

S u m m a r y

The article analyzes the ritual images of the leaders in the Turkish literature of Soviet times. It is stated that the formation of the image of a Leader in the Turkish Soviet literature is closely linked with the folklore, philosophical and religious traditions of the Turkic people.

In the 1920^s, the creation of a literary portrait of Lenin was influenced by dastan traditions, as well as traditions of epic and classical works of Oriental literature.

These traditions are characterized by being based preferably on mythological rather than real plots. Predicting the future and undertaking the role of the Defender and the Leader, as well as humanism and heroism are the main characteristics of national leaders in folklore who were eventually transformed into the images of the Soviet leaders. Poets and improvisators (ashigs, akyns, bakhshi, etc) were played an important role in popularizing the images of these leaders. The images of ideal rulers in the works of the great Turkic poets Nizami Ganjavi and Yusuf Balasaguni, particularly in such works as "Iskender-name" and "Kutadgu Bilik", also influenced the formation of the images of Soviet leaders.

Subsequently, the image of Lenin created by Russian Soviet writers acquired new features – he was recognized as a brilliant theorist of the revolution who sincerely believed in justice and equality in the world. During the period of Stalin's cult of personality the 'Stalin-Lenin' spiritual and political tandem arose in Turkish literature, as well as in Russian Soviet literature which was disintegrated with debunking the cult of personality afterward. In the 1960s, new literary works about Lenin, the Great Leader of the Revolution, were created and the Ilych's percepts became topical again in the context of major achievements of the Soviet rule.